

ДѢТСКІЙ БАЛЪ.

Балъ дѣтскій; дѣти все такъ милы; ихъ нарядъ
 Такъ свѣжъ; въ глазахъ отцовъ и матерей летать
 Они подъ радостные звуки.
 Но мнѣ не смотрится; когда сіяетъ балъ,
 Кто отъ веселія хоть мига не отдалъ
 На долю безотвязной скуки?

Мнѣ стало глупо жаль танцующихъ дѣтей.
 Средь этой тѣсноты, средь шума злыхъ речей,
 Тщеславья, что къ намъ льнетъ невольно,
 Похвалъ неискреннихъ и глушаго суда,
 Гдѣ зависть ранняя и ранняя вражда
 Растутъ и сплываютъ такъ привольно,—

Мнѣ стало душно вдругъ и тяжело за нихъ.
 О, дайте рошу имъ, рой бабочекъ золотыхъ,
 Лугъ пестрый съ мягкой муравою!
 Нарядъ ихъ старѣетъ, неловокъ имъ, неидетъ!...
 Но что я говорю? Самъ крошечный народъ
 Не засмѣется-ль надо мною?

Съ чего мнѣ вздумалось жалеть о нихъ? Они
 Такъ полно счастливы, какъ будто ночи, дни
 Объ этомъ только и мечтали;
 Такъ смѣло счастливы, что не одинъ нарядъ,
 Но все,—движеніе, рѣчь, улыбку, смѣхъ и взглядъ
 Заранѣ будто изучали.

О Боже, дѣтскій страхъ — и тотъ въ нихъ изученъ!
 Вотъ, вотъ съ лукавою улыбкой опущенъ
 Тотъ взоръ младенческій, невинный,
 Гдѣ ангель могъ читать связь неба и земли!
 Уста раскрылися отысканной въ пыли
 Насмѣшкой дерзкой, злостью длинной....

Зачѣмъ же это такъ, зачѣмъ-же? Неужель
 Святаго на землѣ одна лишь колыбель,
 Гдѣ свѣта звонкіе оконы
 Еще не подняты, гдѣ не пора острить,
 Гдѣ чуть-рожденный слухъ не можетъ различить
 Еще галопъ отъ редовы?...

А вы, о матери, ужели вамъ не жаль,
 Что пресыщеніе, усталость и печаль,
 Успѣховъ, неудачъ, тревоги
 Свой блѣдный слѣдъ владутъ на лицахъ молодыхъ?
 Что почки пышныхъ розъ, пухъ яблокъ наливныхъ
 Затоптаны въ грязи дороги?

И вы такъ веселы... А въ будущемъ что вы
 Для нихъ готовите? Страсть сплетень, страхъ молвы,
 Холодность, скуку, отупленье,
 Заботу вечную о вычурахъ смѣшныхъ,
 Способность не шадить ни ближнихъ, ни родныхъ—
 Изъ мести нѣтъ для развлеченья...

Имъ дружба не простить ихъ ложнаго стыда.
 Ихъ ручки бѣлыя не тронуть никогда
 Язы нашихъ страшныхъ и глубокихъ...
 О, безобразіе ихъ жалость отпугнеть!...
 Трудъ генія и вопль поэта не вольетъ
 Румянца жаркаго имъ въ щеки!

Кто сложить голову на слабую ихъ грудь?
 Кому освѣтать жизнь и сглаживать скорбный путь
 Онъ, живущія въ кадрили?
 Среди хлопотъ пустыхъ, бездѣлокъ и затѣй,
 Онъ пройдутъ свой вѣкъ,—ничтожны для дѣтей,
 Какъ сами матери ихъ были...